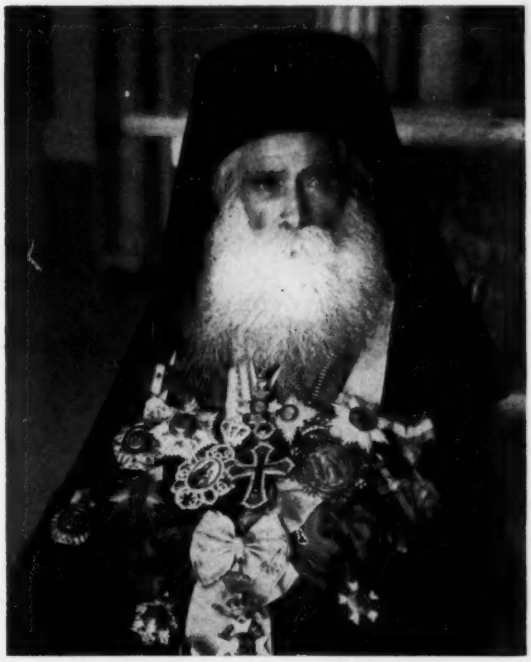
ЕДИНАЯ ЦЕРКОВЬ

"ONE CHURCH"

Vol. 6. No. 12 December 1952 Price 25¢

His Beatitude the Patriarch TIMOTHEUS
of Jerusalem and all Palestine.



Блаженнейший ТИМОФЕЙ,
Патриарх Иерусалимский и всея Палестины.

УКАЗ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему МАКАРИЮ,
Митрополиту Алеутскому и Северо-Американскому,
Экзарху Московской Патриархии в Северной и Южной Америке

Ваше Высокопреосвященство!

В целях нормализации и укрепления церковной жизни автономного округа Русской Православной Церкви в Америке, возглавляемого Вами Экзархата, Мы намереваемся в ближайшее время ввести в жизнь особое, разработанное с учетом местных особенностей, «Положение о Экзархате Русской Православной Церкви в Северной и Южной Америке».

До утверждения Нами Положения и избрания органов управления Экзархатом при Вашем Высокопреосвященстве, как Нашем Экзархе, действует особый совещательный орган — Временный Экзарший Совет в составе Высокопреосвященнейшего Экзарха, Заместителя Экзарха — Архиепископа Адама, протоиерея И. Дзвончика, протоиерея А. Присадского, священника Ф. Ковальчука, протодиакона И. Семова и мирян, избранных в Епархиальный Совет на съезде духовенства и мирян Экзархата в 1948 году.

Из членов Экзаршего Совета Ваше Высокопреосвященство назначите секретаря Экзаршего Совета и казначея.

Для исполнения решений Экзаршего Совета Ваше Высокопреосвященство образуете канцелярию Экзархата во главе с ее заведующим.

Временный Экзарший Совет в своей работе временно руководствуется следующими правилами:

Экзарший Совет является непрерывно действующим органом под председательством Экзарха.

Заседания Экзаршего Совета созываются Экзархом не реже двух раз в месяц.

По просьбе не менее пяти его членов могут быть созваны экстренные заседания Экзаршего Совета.

Экзарший Совет обсуждает все текущие дела Экзархата и принимает соответствующие решения.

При голосовании в силу вступает то решение, к которому присоединяется Экзарх.

Особые мнения членов Экзаршего Совета заносятся в протокол заседаний Совета.

По просьбе не менее пяти членов Экзаршего Совета, не согласных с принятым Советом решением, дело относится на Наше рассмотрение.

Сообщая вышеизложенное к исполнению Вашим Высокопреосвященством, пребываю с неизменной к Вам во Христе любовью

АЛЕКСИЙ,

Патриарх Московский и всея Руси.

5 Августа 1952 г.

ЕДИНАЯ ЦЕРКОВЬ

Официальный ежемесячный журнал
Экзархата Русской Православной Церкви в Америке
Главный Редактор — С. И. Гусев-Оренбургский
Подписка на год — 3 доллара. За-границу — 4 доллара. Отдельный номер — 25 центов.

One Church

15 East 97th Street, New York 29, N. Y. Tel.: AT 9-1915.
Official Journal of the Russian Orthodox Catholic Church.
Publisher: Archdiocese of the Aleutian Islands and North America.
Editor in Chief: S. I. Gussiev-Orenburgsky.
Subscription in U. S. $3.00; Abroad $4.00 per year. Single issue: 25 c.

Editorial Board:
Archbishop Adam
S. I. Gussiev-Orenburgsky
Prince A. M. Putiatin
N. V. Stember
Rev. D. Abramtsov
P. A. Krochta.

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ СВ. НИКОЛАЕВСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА

ТЕЛЕГРАММА СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ МИТРОПОЛИТУ МАКАРИЮ

Поздравляю Ваше Преосвященство, духовенство и прихожан храма со знаменательной годовщиной.

Протоиерею И. Дзвончику жалуется к этому дню митра.

Всем Божие благословение.

ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ

ПРАЗДНОВАНИЕ В НЬЮ-ИОРКЕ

Празднование пятидесятилетия Св. Николаевского кафедрального собора в гор. Нью-Иорке имело место в воскресение 21-го декабря. Божественную литургию и благодарственное молебствие совершал Высокопреосвященный Адам в сослужении с кафедральным протоиереем Иосифом Дзвончиком, протоиереем Иоанном Луцишиным, протоиереем Артемием Дудко, священником Алексеем Сибирцевым, священником Иоанном Левинским при протодиаконе Иннокентии Семове и протодиаконе Спиридоне Довгалевиче. Храм был переполнен молящимися. Была оглашена телеграмма от Святейшего Патриарха (см. выше текст ее), в которой сообщалось о награждении настоятеля собора о. Иосифа Дзвончика.

После богослужения в залах при соборе состоялся обед, устроенный попечением Сестричества. Столы были накрыты в двух залах на 250 человек, но желающих разделить праздничную трапезу собралось значительно больше. Несмотря на тесноту и давку все было организовано сестрицами умело и бесперебойно. Залы были оборудованы микрофонами и громкоговорителями, что позволило всем присутствующим слушать речи ораторов, выступавших с эстрады, на которой был помещен почетный стол. После вступительной речи

архиепископа Адама председательствование было передано «тостмастеру» М. И. Печковскому.

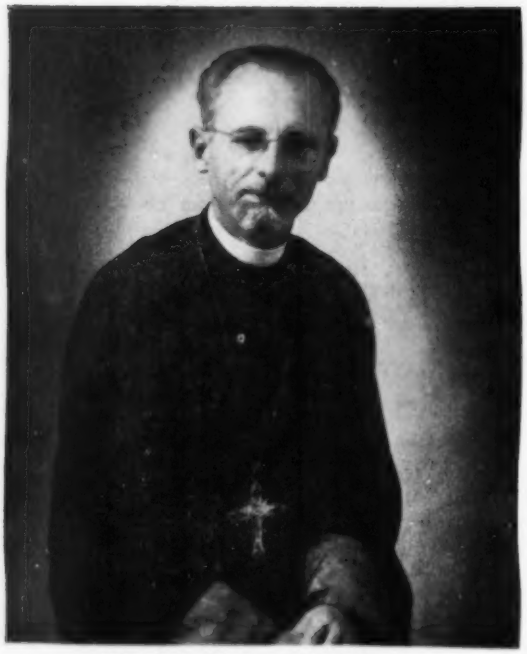
С речами выступили: митрофорный прот. Дзвончик, о. Иннокентий Семов, кн. А. М. Путятин (поделившийся впечатлениями о поездке в Святую Землю и передавший собравшимся благословение от Блаженнейших Патриархов Александра III-го и Тимофея) и А. Л. Казем-Бек.

После речей состоялся концерт кафедрального хора под управлением регента Ф. С. Козловского. Хор исполнил тропарь и кондак Рождества Христова на музыку М. М. Фивейского (присутствовавшего на обеде). Поэтесса Л. Нелидова-Фивейская прочитала ряд своих произведений, покрытых громовыми аплодисментами. Солистка Г. В. Стрелкова исполнила песню «Ваня и Маша» М. М. Фивейского под аккомпанимент композитора и «Колыбельную» А. Т. Гречанинова. Затем были исполнены: Александром Голобом ария Ленского из «Евгения Онегина» и «Сирень» Рахманинова, артистом оперы С. Ф. Стрелковым «Былина» муз. Фивейского, «Как король шел на войну» муз. Кенемана, «Ехал я из Берлина» муз. Дунаевского и кафедральным хором «Ветерочек по листочкам шелестит» муз. Фивейского на слова Лидии Нелидовой-Фивейской. Концерт прошел с большим подъемом и заслуженным успехом.

ОТ СЕСТРИЧЕСТВА СВ. НИКОЛАЕВСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА

По случаю престольного праздника и празднования 50-летия существования Св. Николаевского собора, Сестричество собора устроило торжественный обед, во время которого был объявлен сбор на ремонт, который дал 918 долларов 75 центов. Сестры собрали между собой еще 700 долларов. До того, на другом обеде было собрано 428 долларов. Сестричество совместно с духовенством и верными чадами Матери-Церкви будет продолжать сбор на ремонт кафедрального собора, чтобы засияли его купола и заблистал святой Крест над храмом. Всех, кто желает помочь нам в этом деле, просим направлять пожертвования под адресу: St. Nicholas Cathedral Building Fund, 15 East 97th Street, New York City.

МИТРОФОРНЫЙ ПРОТОИЕРЕЙ О. ИОСИФ ДЗВОНЧИК



МИТРОФОРНЫЙ ПРОТОИЕРЕЙ О. ИОСИФ ДЗВОНЧИК

О. Иосиф Дзвончик родился 4-го января 1888 года в селе Лосья, Горлицкого уезда Галиции (в то время входившей в состав австро-венгерской монархии). Русским людям жилось тяжко под ярмом австрийских властей, венгерских магнатов и польских панов, интересы которых сливались в общем русле воинствующего католицизма. Родители о. Иосифа, как и столь многие другие галичане, принуждены были эмигрировать из своего «старого края» и он был привезен ими в Америку в том же году новорожденным младенцем.

Образование юного Иосифа началось в приходской школе в Мейфильде, в штате Пеннсильвания. В 1903 г. епископ Алеутский и Северо-Американский Тихон отправил его для продолжения образования в Россию, где он был определен в Волынскую Духовную Семинарию в гор. Житомире, откуда в 1906 г. был переведен в новую русскую православную Семинарию в гор. Миннеаполисе, в С. Ш. А. По окончании семинарского курса он был в 1911 г. рукоположен епископом Александром в диакона и в том же году архиепископом Платоном возведен в сан иерея.

Уже будучи священником о. Иосиф проходил курс в Юнгстаунском училище правоведения и в университете Вестерн Резерв. В 1922 году он был возведен в сан протоиерея. В 1937 году был на Нью-Иоркском соборе единогласно избран секретарем Митрополичьего совета Русской Православной Церкви в Америке. В 1945 году протоиерей Дзвончик был назначен Митрополитом Феофилом делегатом на Московский собор, избравший Патриарха Алексия. С епископом б. Аляскинским Алексием ездил в Москву. По возвращении, как и Преосвященный Алексий, о. Иосиф оставил свои должности в митрополичьем округе и был воссоединен с Матерью Русской Православной Церковью.

В 1948 году сопровождал Архиепископа Макария в поездке на торжества пятисотлетия автокефалии Русской Церкви и совещание автокефальных Православных Церквей в Москву. С того же 1948 г. состоит настоятелем Св. Николаевского кафедрального собора в гор. Нью-Иорке.

АМЕРИКАНСКИЙ ПАЛОМНИК В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

От Дамаска до Иерусалима

На полдороге между Дамаском и Иерусалимом, несколько ближе к последнему, находится столица Иордании, живописно расположенный город Амман с красующимся на горе среди сосен и кипарисов изящным султанским дворцом и чистотой своей вызывающий зависть западных путешественников. Здесь небольшая остановка, перемена машины и — снова пустыня.

Усталость от десятичасового пути под палящим солнцем не даёт себя знать, но напротив, напряженное внимание только обостряется и волнение увеличивается по мере приближения нашего к «Обетованной Земле».

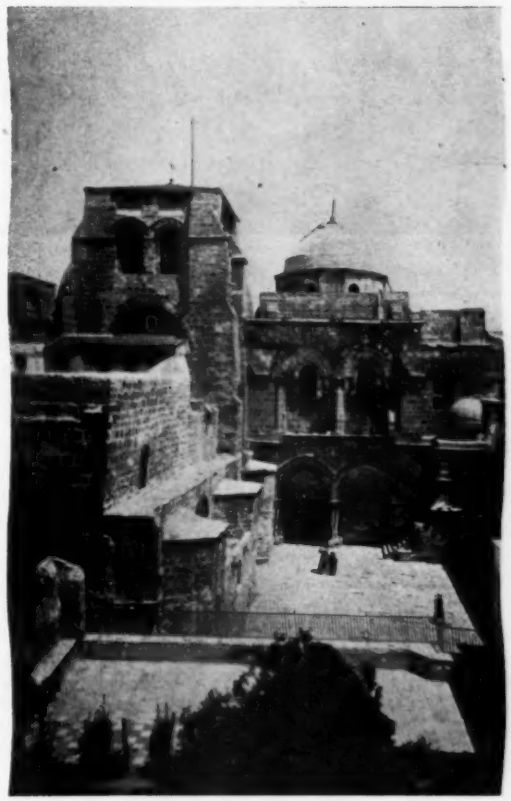
Машина наша стала вдруг круто спускаться вдоль русла иссохшего ручья. Мы проехали мимо большого плаката с толстой горизонтальной чертой и надписью: «sea level» («уровень моря») и теперь съезжали с высоких Аравийских гор в Иорданскую долину, лежащую почти на 1000 футов ниже уровня моря. Левее нас была гора Наваав, откуда Моисей перед смертью смотрел на страну, к которой 40 лет вел избранный народ из Египта и в которую за гордость свою недопущен был войти.

Мы шли ходом, вероятно, не менее 70 миль в час. Заиорданская пустыня — это уже земля освященная святыми стопами Спасителя. Сколько подвижников уходило сюда для молитвы, поста и спасения; здесь преподобный Зосима встретил, затем причастил и впоследствии похоронил святую Марию Египетскую. Было около пяти часов вечера. Вся равнина была покрыта легкой дымкой. Налево стальным отблеском горело от заходящего солнца Мертвое море. Впереди лежала зелёная полоса Иорданского течения, обросшего ивами и мелким кустарником; а дальше за ней снова возвышалась горная цепь.

На быстрые взволнованные вопросы шофёр отвечал: «Переехав через Иордан дорога пойдет на Иерихон, за которым высится Сорокодневная гора Искушения. Мы будем подниматься левее ее. Иерусалим находится там наверху горы. Вот уже виднеется устремленный вверх столб. Это колокольня русского монастыря на Елеонской горе... город расположен левее его...» Вот уже показались смутные очертания башен и куполов...

От Иерихона начинается подъём. На стрелке надпись: «Иерусалим. 37 километров». Какой анахронизм! Как невяжется с этим именем слово «километр» или как кажется невероятным применение автомобиля для сообщения между Иерихоном и Иерусалимом. Но автомобиль мчится и с ним бегут километры. Снова плакат: «Sea level». Подъём не задерживает скорости нашего хода. Начинает темнеть. Мы проезжаем Вивфанию. Православная шатровая церковь с синим верхом и золотым крестом: — монастырь «Встречи» у дома Марфы и Марии... Подъём еще круче.

Church of Resurrection (Holy Sepulcre) in Jerusalem



Храм Воскресения (Гроб Господень) в Иерусалиме

Stone of the Holy Onction at the Holy Sepulcre

Камень Миропомазания у Гроба Господня

Дорога идет теперь между двумя разгромленными кладбищами. Одно еврейское, другое мусульманское. Безобразие войны не оставило и места, казалось, вечного упокения в покое: израильская авиация вспахала арабские могилы; озверевшие арабы тут же искрошили иудейские гробницы. А вот за кладбищем на гору вытягивается и иерусалимская стена. Уже появляются огни. Машина остановилась перед Дамасскими воротами. Совсем темно. Звезды низко зажигаются над самым городом. Над воротами узорные зубцы стены резко выступают на гаснущем, но еще прозрачном небе. Передо мною вход в древний Святой Град, куда уже можно идти только пешком.

У Патриарха Тимофея

Я стою перед воротами Иерусалима и я не один, я со всеми вами, с вами, с которыми в эту минуту я обещал, как сумею, разделить весь трепет, страх, радость и торжество, с которым я вступал под темные своды Дамасских ворот.

Те из вас, кому никогда не удастся дойти до этого источника Света, — до Гроба, где лежал Вечно-Живущий, — идите со мной и вы мысленно посетите все Святые Места, которые привел меня Господь увидеть. Вы поймете и жизнь и глубину нашей религии так, как понимаешь ее там, стоя на трепетной Голгофе, в Гефсиманском саду или в Вифлеемской пещере. Долг каждого побывавшего там, не для себя только сберегать всю силу воспринятого там Духа, а щедро поделиться им со всеми ищущими его. Чувство моей радости должно стать радостью вашей; богатство унесенное мною оттуда на всю жизнь — ваше богатство.

«Стяжайте Духа Святого и тысячи спасутся вокруг вас», говорил преподобный Серафим Саровский. Здесь, стоя перед Гробом Господнем, понял я реальный смысл этих слов, молитвенно вспоминая нашу страждущую Церковь в Америке.

Я быстро шел в гору по узкой кривой улице старого города, едва поспевая за мальчиком нёсшим мой чемодан. Дорога поднималась низкими, длинными, в несколько шагов в глубину, ступенями. По бокам, в освещенных керосиновыми лампами лавках, шла шумная торговля. В разные стороны спешила живописная толпа. Вокруг крутилась группа ребятишек с протянутыми руками и несмолкаемым криком: «бакшиш, бакшиш!?..» Раз кто-то грубо толкнул меня в спину; оглянувшись, я увидел, сосредоточенно шагавшего рядом со мной в гору и нагруженного мешками, осла.

Адрес греческого монастыря, куда я направлялся не был точно известен ни мне, ни моему носильщику. Но вот на углу я увидал двух стоявших греческих монахов и попросил их указать мне дорогу. Один из них очень любезно проводил меня до монастырских ворот и прощаясь сказал: «Я увижу вас завтра...»

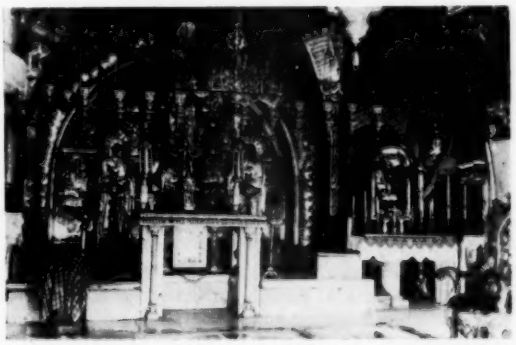
Моя келия находилась в двух-трех минутах ходу от Воскресенского Храма. Меня предупредили, что Патриарх ждет меня завтра в 10 часов утра. На следующий день, поклонившись Живоносному Гробу Господню, я явился в назначенное время в Патриархию. Встреченный двумя кавасами и поднявшись по лестнице, стены которой были украшены большими портретами патриархов, я прошел через приемный тронный зал и вошел направо в кабинет. Сидевший за письменным столом, Патриарх встал, благословил меня и предложил сесть напротив себя. Пока я здоровался с находившимися в кабинете Наместником Патриарха архиепископом Афинагором Севастийским и управляющим делами Патриархии, архимандритом Палладием, кавас уже ставил перед моим местом чашку турецкого кофе и рюмку ликёра.

Патриарх говорил со мной по английски, но когда разговор завязывался с архиепископом Афинагором, то владыка сразу переходил на русский язык, которым он прекрасно владеет. Между прочим в 1945 году он ездил в Москву и участвовал в интронизации Святейшего Патриарха Алексия.

Патриарх — древний старец с благостным, вдохновенным, красивым лицом, с длинной белой бородой и совершенно светлыми лучистыми добрыми глазами — с первых же слов проявил трогательное внимание, как ко мне лично, так и к нашей церковной жизни в Америке. Расспрашивая о моей семье, он между прочим спросил у меня имя убитого на войне сына. Я ответил: «Алексей; и сегодня 5/18 октября — день его Ангела». «Да, — ответил Патриарх, — и он носил имя Вашего Патриарха». Это был первый вызов, брошенный Главой «Матери всех Церквей» нашим соотечественникам, хулящим имя Святейшего. Спросив на сколько времени я приехал, Патриарх сказал, что он хотел бы облегчить мне посещение Святых Мест и дает мне для сопровождения меня повсюду диакона, которого тут же велел позвать. И вот входит, земно кланяется Патриарху и с милой еще совсем юной улыбкой здоровается со мной мой вчерашний собеседник, первый на Святой Земле встретивший меня и проводивший до моего монастырского жилища.

Перед уходом я попросил Блаженнейшего благословить меня причаститься у Гроба за полунощной Литургией, наступающего в эту ночь Воскресенья. Патриарх благословил, а архиепископ сказал, что он служит сегодня у Гроба и сам меня будет причащать. Мы вышли с моим, теперь уже неотлучным, спутником, диаконом — отцом Василием: передо мной было пять дней, Святой Град и всюду открытые двери.

Summit of Mt. Golgotha within the Church of Resurrection



Вершина Голгофы в Храме Воскресения (в центре православный престол и за ним Распятие на месте, где стоял Честной Крест Господень; справа римо-католический придел).

В Храме Воскресения — центре христианского мира

Для того, чтобы мало-мальски представить себе топографию Иерусалима, нужно, очевидно, хорошо знать сферическую геометрию. Все улицы кривые и узкие, идут то вверх, то вниз; город полон закоулков, задворков. Выйдя из дому в палисадник, можно свободно оказаться на крыше соседнего дома, на высоте купола храма и т. д.

Среди нескольких храмов, расположенных внутри Патриархии, переполненных чудными старинными иконами, наибольший интерес представляет собою церковь святых Константина и Елены. В этом храме, по сложившейся веками традиции, ни одному епископу, кроме Патриархов не полагается служить. Если Патриарх не служит, то его заменяет протоиерей. Храм этот очень маленький, в виде узкого, длинного помещения, по бокам которого стоят архиерейские троны. Как мне сказали, здесь в 1945 году служил Патриарх Алексий. С левой стороны храм расширяется треугольником, причем в стене у патриаршего места есть небольшое окно, выходящее прямо в Воскресенский Храм, через которое Патриарх может видеть Гроб Господень. Стены украшены многими древними иконами XII-XIII веков византийского письма — эпохи последнего периода расцвета византийского иконографического искусства. Есть также иконы и плащаница русской работы.

Библиотека Патриархии, хотя и далека по оборудованию от современных библиотек Америки или Европы, но по содержанию своему представляет собою, конечно, необычную ценность; начиная от Библии в рукописном пергаментном свитке на древне-еврейском языке и включая единственный сохранившийся в мире экземпляр «Учения Святых Апостолов», на греческом языке XI-го века и другие редчайшие издания и рукописи.

Патриархия находится в непосредственной близи и можно сказать составляет одно общее с Воскресенским Храмом — святейшим из святых мест мира. Один из корпусов Патриархии охватывает массивную четыреугольную колокольню и, как я уже указывал, из патриаршей церкви св. Константина и Елены окно открывается в самый Соборный Храм.

Вход в Воскресенский Храм находится в середине южной стены, перед которой довольно большая площадь ограничена справа Авраамиевским Монастырем, а слева церковью святого Иакова, Брата Господня. Храм весь скрыт между зданиями и только часть южного фасада, выходящая на площадь, представляется взору посетителя. Фасад этот с остатками византийской скульптурной орнаментации XII-го века, повидимому дал опасные трещины и подпёрт железными балками. Лесами укреплены и внутренние своды храма.

Есть ли другой храм в мире, — я спрашиваю

вас, мои спутники с которыми я на минуту остановился на этой площади перед входом, — есть ли другой храм в мире, в христианском мире, который святостью своей, драгоценностью для любого христианина, историей своей являлся бы выше этого? Под его крышей сосредоточено все то, что осталось нам вещественного после искупительной жертвы Христа. Внутри его — гора Голгофа, орошенная Его кровью, здесь камень, на котором Иосиф Аримофейский с Никодимом обвивали снятое со Креста тело Спасителя плащаницей. Под той же крышей Гроб Господен — место Христова Воскресения, которое весь православный мир празднует, как Праздник Праздников; на этом месте решилась судьба человечества, отсюда пошло просвещение мира. Об этом месте знает всякий христианский ребенок, к нему стремится всякая христианская душа. Только вот стена рушится, своды падают, все стены внутри досками затянуты... Это наша общая и величайшая святыня.

Патриархия разорена последней войной и прекратившимся паломничеством. Она не в состоянии поднять ремонт. А где наша растерянная русская братия?.. Она собирает деньги, строит церкви, только не для молитвы, а для политических выступлений заблудившегося духовенства; она строит храмы не для Бога, а против Церкви, чтобы разбить Ее, чтобы увлечь оттуда людей. Она выкидывает десятки тысяч долларов и других заставляет так же тратиться на суды, чтобы отнять святые церкви от молящихся. Дошло до того, что недавно Ватикан предложил отремонтировать Храм. Патриарх наотрез отказался. Мне кто-то сказал: «Но почему, ведь собор может рухнуть?..». Конечно, может. А разве мы заслужили лучшего, сами свои церкви разоряя?.. Разве не разрушен был до основания этот, впервые построенный Царицей Еленой, храм, персами в 614 году, или опять в 1009 году египтянами, или в 1099 году крестоносцами? Одно только Свято-Гробское Братство защищало Православие в Святой Земле и сохранило нам до сих пор все христианские святыни и от магометан и от латинян. Если за грехи наши суждено будет еще раз этому храму рухнуть, все равно Патриарх не отдаст Православные святыни. Они не раз хоронились в развалинах, не потеряли они своей святости и не станут святее от ватиканского мрамора.

Когда вы входите в Храм, огромные размеры которого трудно себе представить, то первое, что вы видите, это лежащую перед вами на полу каменную плиту с низко-спускающимися над нею лампадами. Здесь благовонными маслами и плащаницею приготовили Тело Христа к погребению. Здесь первый земной поклон. Подняв глаза направо, вы видите под той же крышей шагах в 20-30 крутую лестницу, ведущую вас на скалу, на которой в глубине стоит, также обвешанное лампадами Распятие. Это и есть Голгофа.

Сколько раз слышали мы чтение двенадцати Евангелий Страстей Господних, с детства знаем мы всю историю восхождения Христа на Крест, но с каким новым чувством становишься перед этим местом смерти Того, Кто дал жизнь всему, что есть живое. Скала и та содрогнулась с последним вздохом Иисуса и дала трещину во всю глубину свою; ее хорошо можно видеть справа от места, где стоял Крест.

Во время разгрома Иерусалима, в 614 году, персы унесли с собой драгоценное древо Креста Господня. Однако вскоре император Византийский Ираклий отнял его от них и возвратил в Иерусалим. Он сам в торжественном шествии нес его в Храм, но какая-то сила не давала ему внести его на Голгофу. Тогда Патриарх сказал ему: «Христос нес Крест в рубище и в терновом венце, а ты хочешь внести его в царских одеждах». Царь снял с себя богатые наряды, разулся и босой внес Крест на его место.

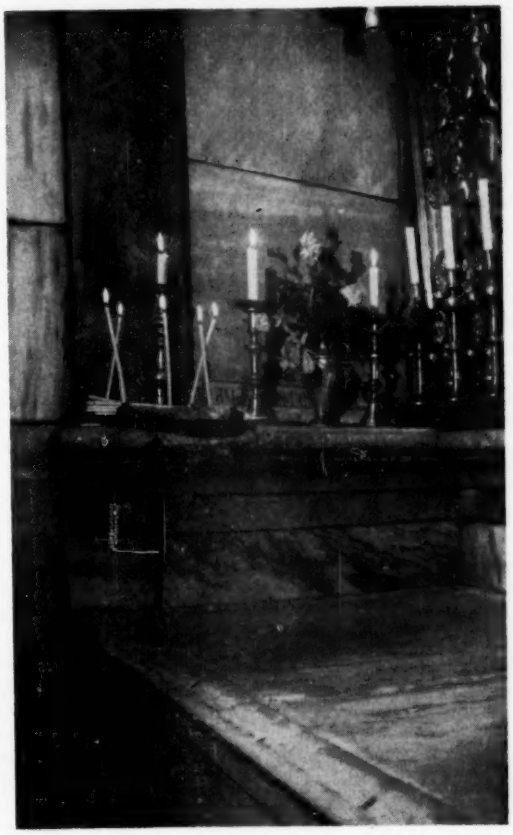
Вот, в память понесенного на этом месте Христом уничижения, Патриарх и архиереи служат Божественную Литургию на Голгофе без митр. Невероятная тишина охватывает душу стоящего на Голгофе. Нет слов выразить скорбь, благодарение и сознание величия, совершившегося здесь: «Да молчит всякая плоть человеческая, Царь царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным!»

Два больших столба справа отделяют придел Голгофы от площадки, на которой стоит латинский алтарь. Примерно там, где стоял крест разбойника, распятого «ошуйю». Не оспаривая подлинности места распятия Христа, римо-католики рассказывают своим посетителям, что пригвожден однако ко Кресту Господь был в их приделе.

Спустившись вниз со скалы и зайдя дальше за Голгофу (я повторяю и дальше буду напоминать, что это все находится внутри того же храма под одной крышей), мы находим лестницу, ведущую в подземный храм во имя Равноапостольной Царицы Елены и рядом в придел, посвященный Благоразумному Разбойнику. Отсюда в подземелье спускается еще 13 ступеней и в глубине пещеры поставлен православный престол, на месте обретения Животворящего Креста Царицей Еленой в 326 году. Не доходя пещеры прямо против лестницы стоит латинский алтарь. Не оспаривая подлинность места нахождения Креста, римо-католики рассказывают своим посетителям, что гвозди однако были найдены в их приделе.

Мы находимся сейчас в юго-восточном углу Храма. Вернемся теперь обратно к входу — к камню миропомазания и пойдем дальше вдоль южной стены на Запад. Мы будем проходить мимо ряда приделов: здесь темница Христова, где ждал Господь, пока приготавливались орудия Его крестной казни. Под алтарем стоит камень с иссеченными в нем двумя отверстиями, в которые, как в колодки были заключены Его ноги. Затем придел Пресвятой Богородицы, где по преданию многоскорбная Дева-Мать провела страшные часы крестных страданий Ее Сына. Недалеко от темницы

The Holy Sepulcre



Гроб Господень

Христовой и придел уверовавшего у Креста сотника Логгина-мученика. Тут же приделы Разделения Риз Господних и Поругания. В середине западной стены находятся гробницы Иосифа Аримафейского и тайного ученика Христа — Никодима.

Итак мы прошли всю длину храма с востока до запада, не выходя из-под его крыши и видя, быть может, только одну четверть его глубины. Теперь мы вышли на середину западной стены и смотрим вдоль средней его оси через весь Храм на восток. Все помещение разделено на две, примерно, равные половины. Первая, западная, представляет собою увенчанную большим куполом ротонду, диаметром почти во всю ширину храма и окруженную круглой стеной с аркообразными пролетами. Посереди этого помещения, куда может свободно войти несколько тысяч человек, стоит скала с пещерою, входом своим обращенная на восток. Эта скала и есть живоносный Гроб Господень — конечная цель каждого паломника; эта скала — молчаливый, но неоспоримый свидетель Христова Воскресенья, вера в которое и обуславливает наименование христианина.

Увенчанный куполом, обложенный желтым мрамором, увешанный бесчисленными лампадами, обставленный рядами подсвечников, покрытый резьбой и различными украшениями, Гроб Господень, как святейшее место на земном шаре, скрыт от любопытного взора туриста и только когда с молитвою и страхом входишь в слабо освещенную пещеру и с трепетом опускаешься на колени перед ложем, на котором три дня пролежало пречистое тело Спасителя и с которого Он воскрес, — только тогда наполняется сердце благоговейным чувством сознания, куда привела тебя, куда допустила десница Божия.

У Гроба Господня

Погребальная пещера Господня или св. Кувуклия, как ее называют в Иерусалиме, что по гречески значит часовня, состоит из двух частей: первая — квадратное помещение, примерно, футов 12 в длину и ширину. Вход в него достаточно высок, чтобы священнослужитель нормального роста мог войти не сгибаясь с митрой или камилавкой на голове. С двух сторон в стене высечены небольшие овальные отверстия, для раздачи святого огня в Великую Субботу. По середине пещеры на мраморном резном пьедестале и под стеклом в глубоком кивоте лежит отваленный ангелом камень. В этой первой пещере встретил ангел мироносиц и возвестил через них миру, что Христос воскрес!

В западной стороне пещеры находится низкое не выше пяти футов, отверстие, от которого и был ангелом отвален камень; оно ведет во вторую часть пещеры, которая является самим Живоносным Гробом. Войдя в него и выпрямившись снова во весь рост вы стоите на узком проходе, вдоль которого справа — мраморными плитами покрытое каменное ложе. Все помещение в длину вряд ли более 7 футов. Туда может войти три — самое большое четыре человека. В конце прохода на стене икона Умиления Божией Матери, отодвинув которую можно видеть самую скалу и высеченную ее часть, уходящую под мраморную облицовку. Само ложе окружено небольшим карнизом, на котором стоят подсвечники и сосуды с цветами. Над ними на северной стене три образа Воскресения Христова: два боковые принесены инославными: направо — армянами, налево — латинянами.

Каждую полночь в час Воскресения Христова на Гробе Господнем совершается Литургия, причем само ложе Христово является жертвенником для Проскомидии, а на камень Ангела возлагается походный престол и таким образом придел Ангела превращается в алтарь.

Выйдя из св. Кувуклии и пройдя прямо перед собою т. е. на восток шагов 20, вы подходите к

The Angel's Chapel at the Holy Sepulcre

Придел Ангела у Гроба Господня

дверям, пробитым в круглой уже упоминавшейся стене, окружающей помещение вокруг святого Гроба и через них вы входите в огромный храм Воскресения, абсидой своего алтаря упирающегося в восточную внешнюю стену всего колоссального Храма.

Таким образом соборный Храм Воскресения или Кафоликон занимает центральное и самое обширное место среди многочисленных приделов, с которыми вместе он покрыт одной крышей и заключен в одни стены.

Большой его престол покрыт величественной вызолоченной сенью. Из алтаря направо вверх идет ход прямо на Голгофу, а налево расположена ризница, где хранятся все драгоценности святого Храма, включая и большую часть древа животворящего Креста.

Посередине Храма на полу стоит в каменной чаше каменный же шар, символизирующий центр или середину земли, ибо, «смертию смерть поправ», Господь здесь даровал спасение, о чем за 1000 лет до Воскресения Христова, царь Псалмопевец писал: «Бог же Царь наш прежде века, созда спасение посреди земли».

В субботу около 11 часов вечера я пришел в Воскресенский Храм и встал перед прекрасным многоярусным иконостасом на левом клиросе. Шла утреня. Исповедывавший меня протоиерей вскоре прошел с дарами в пещеру Гроба Господня для совершения проскомидии. К концу утрени в алтаре появился облаченный архиепископ Афинагор, Наместник Патриарха, открылись царские врата, парами стало выходить духовенство и крестный ход направился через середину Храма к западным дверям, выйдя за которые, при возгласе: «Слава Тебе показавшему нам свет!», архиепископ остановился перед входом в Гроб Господень. Здесь закончилась утреня. Служивший в эту ночь диакон о. Василий возгласил: «Благослови Владыко» и, вдруг, на ответный возглас протоиерея хор русских матушек-монахинь ответил: «Аминь». Всю литургию пели они по-русски. Как приятно было услыхать после 35 лет первый раз опять простое монастырское пение женских голосов.

После Малого Входа, войдя в алтарь, владыка послал за мной, предложив прослушать Литургию в алтаре, т. е. внутри пещеры — в приделе Ангела. С каким страхом прошел я впервые через Царские Врата, ибо в Гроб Господен есть только один вход, и какое неизгладимое впечатление оставила мне на всю жизнь эта служба, впечатление усуглубленное еще личным вниманием архиепископа Афинагора, все возгласы на Литургии делавшего своим прекрасным и могучим голосом на русском языке. Так молитвенно, красиво и убедительно служил преосвященный, что мне казалось, я даже понимал каждое его слово, произносимое по-гречески. На Великом Входе Дары обносятся вокруг Кувуклии, причем прежде принятия их владыка читает, стоя во вратах имена, поданных помянников, сопровождая «о здравные» и «заупокойные» соответствующими разрешительными молитвами. После «Отче Наш» я вышел из пещеры и ожидал выноса святого Причастия. Неожиданную радость вызвало пение запричастного стиха: пропев «Воскресение Твое, Христе Спасе...», наши матушки вдруг запели: «Воскресения день — просветимся людие...» и так далее — весь пасхальный канон. «Да прикоснутся уста твои и все беззакония твои очистятся...» слышалось мне, когда целовал я массивную золотую Чашу с русским эмалевым орнаментом и восьмиконечным крестиком. Литурия кончилась; с колокольни несся настоящий колокольный трезвон. Меня обступили певчие-матушки, спрашивая, откуда, на долго-ли и поздравляли с принятием святых Тайн. Никогда еще не чувствовал я праздник Пасхи так, как в эту октябрьскую ночь, перед пещерой, где воскрес Христос и приняв Тело и Кровь Его с Его Гроба. Владыка пригласил меня выпить с ним и сослужившим духовенством чашку кофе. Был четвертый час, когда я вернулся к себе.

Александр Путятин

(Продолжение в следующем номере).

ДВОЙНОЙ ЮБИЛЕЙ С. И. ГУСЕВА-ОРЕНБУРГСКОГО

С. И. Гусев-Оренбургский

Маститый русский писатель и главный редактор «Единой Церкви» празднует двойной юбилей: свое 85-тилетие и 65-тилетие литературной деятельности. Он родился 23-го декабря (ст. стиля) 1869 г. В 1887 году в «Оренбургском Листке» появился его первый рассказ под заглавием «Рассказ слепой». В 1903 г. — без малого полвека тому назад — вышел в свет первый том рассказов Гусева-Оренбургского, за которым последовало более двух десятков других томов. Самым значительным из его произведений является его трилогия, написанная на протяжении также почти полувека. Первый том ее — «Страна отцов» вышел в 1905 г. Второй — «Страна детей» появился уже в эмиграции в 1928 г. Третий, первоначально названный «Страна будущего», поступит в печать в ближайшем времени под измененным заглавием — «Жизнь во Христе».

О. ВЛАДИМИР

О. Владимир, по природе идеалист и мечтатель, еще на школьной скамье смотрел на службу священника, как на служение апостольское, и, сообразно с этим, хотел устроить свою жизнь. Когда он приехал на первый свой приход, в глушь епархии, он после первой же церковной службы объявил прихожанам, что брать мзду за требы не станет, а будет доволен всяким доброхотным даянием. «Я ваш отец, а вы мои дети, — сказал он, вот мы и будем жить в мире и заботиться: я о вас, а вы обо мне». Тут же он запретил подавать на проскомидию вместе с поминаньями деньги, а класть их, кто пожелает, в особую кружку. Старосте же, ставшему при целовании креста сбоку с блюдом для сбора мелких монет, он приказал уйти, заявив, что храм Божий — не базар, где можно получить на копейку благодати.

Прихожане были в большом недоумении.

Небывалый случай этот настроил их подозрительно. Нигде по округе не было таких примеров, и в преданиях их не сохранилось. Всегда священники брали что положено. А тут было что-то новое и совершенно непонятное. Пошли по селу слухи и разговоры, вечерами на заваленках стало шумно. Одни утверждали, что батюшка богат, и потому брать ему незачем, другие же в ответ на это только покачивали головой и выражали уверенность, что батюшка просто чудит по молодости лет.

Всеобщее убеждение такое привело к тому, что батюшка совершенно не имел дохода. Все точно сговорились не платить ничего, как будто присматривались: что из этого выйдет? А между тем, батюшка всем нравился: он был совсем молодой, в обращении вежливый, обходительный и мягкий, служил хорошо, торжественно, голос имел приятный, говорил со всеми сердечно, старался входить во все нужды прихожан. Тем не менее, когда в воскресенье псаломщик приносил после службы братскую кружку и, отперев, с лукавым видом опрокидывал ее над столом, из нее с шумом выползал солидный медный пятак или зеленый и проржавевший семишник. Хорошо еще, что псаломщика это не печалило. Он был юноша веселый, с батюшкой подружился, хотя над его начинаниями подсмеивался.

— Вот подайте-ка мне теперь мою четвертую часть... как делить будем? — говорил он.

И подбрасывал монету вверх.

— Если решка — мое, а орел — ваше!

Батюшка только улыбался в ответ своей серьезной и мягкой улыбкой. Жена у батюшки была курсистка, лесгафтичка. Она понимала мужа и сочувствовала ему. Но и она, когда денежный запас стал приходить к концу, смутилась.

— Что-же, Володя, дальше-то будет?

— А что, Маничка?

— Жить-то как?

— Проживем, надо только веры побольше.

— Во что?

— В сердце человеческое, оно не выдаст. Ведь и апостолы так же жили. Не на жалованьи. Или птицы небесные... не сеют, не жнут, в житницы не собирают, а сыты бывают. Слова-то эти евангельские разве даром сказаны?

— Птицы-то... это так, — сказала попадья.

И засмеялась.

— А завтра хлеб из чего печь? Муки чуть на до-

нышке. Да и денег знаешь, сколько у нас осталось? Ровным счетом двенадцать рублей.

Она смотрела на него смеющимися глазами, и батюшка тоже улыбнулся ей в ответ.

— Двенадцать число хорошее, — сказал он, — когда-то Христос пять тысяч пятью хлебами накормил, да еще двенадцать корзин остатков набралось. А уж нас-то двоих прокормит, и остатки останутся. Жить, как и все живут, конечно, легко, а жить по своему, по божьи, как душа велит, трудно. Но надо претерпеть. Сумеем мы к сердцам подойти, завоюем их, и легко будет. А если муки на донышке, говоришь... так вспомни сарептскую вдовицу во времена Илии.

— Но это — чудо, Володя.

— А в чудо надо верить. Маничка, оно и будет!

Время шло, а «чуда» не было.

Прихожане как будто уже и привыкли не платить священнику. О. Владимир ничего не говорил, никогда ничего не спрашивал. Звали на требы, шел с охотою, не заставляя ждать ни минуты, служил красиво и торжественно и при этом всегда находил случай сказать что нибудь душевное. Молва про священника пошла хорошая. А между тем скудость в поповском доме все росла. Должали лавочнику и кое-как с ним расплачивались редкими присылками от матушкина отца, захолустного дьякона. Дьякон в каждом письме ругался, осуждал заведенные зятем порядки и грозился, что больше ничего не пришлет. К тому же приходилось немного уделять и псаломщику. Питалась духовная чета больше чаем да хлебом и не всегда среди сельского изобилия было что сварить на обед. О прислуге нечего было и думать, а уж матушка стала ходить в перевалочку,платья стали узки и по лицу пошли желтые пятна. Она стала раздражительна, хумирилась и задумывалась, не видела никакого выхода. Батюшка с тяжелой заботой иногда присматривался к попадье, но вид у него был всегда веселый и слова бодрые. Раз у него вышла и ссора с попадьей. Пришел псаломщик и заявил, что надо идти по сбору, — в это время духовные производили хлебный сбор. Но батюшка решительно заявил, что никаких сборов делать не будет.

Псаломщик криво усмехнулся.

— Ждете, когда сами понесут?

А попадья вспыхнула и сказала почти зло:

— Что-же, мы всегда так будем жить, Владимир? На что ты надеешься?

Она показала себе на талию.

— О будущем ты не хочешь подумать?

О. Владимир взглянул на нее с строгой важностью.

— Будущее в руках Божиих, — ответил он, без воли Его и волос не упадет с головы.

Он побледнел от волнения, и глаза его загорелись.

— Прости, Маничка. Я скорее пойду в батраки, если понадобится, чем изменю себе. Горе человеку, который весь мир приобретет, а душу свою потеряет. Не отдам за чечевичную похлебку души своей!

Попадья задумчиво смотрела на него.

И вдруг нежно улыбнулась.

А псаломщик махнул рукой.

— Не пойду, коли так, и я по сбору, — весело сказал он, — отправлюсь лучше рыбу ловить... на всю кают-кампанию! По примеру апостолов... не пропадем с голоду, правда, батюшка? Едим завтра уху, матушка?

— Наловите караськов, Иван Степаныч, очень хочется!

— Наловлю!

Псаломщик весело мигал батюшке.

— Довлеет дневи злоба его... у меня ведь тоже душа.

Он ушел.

А батюшка засел за работу и работал всю ночь: писал корреспонденции в губернскую газету и большую статью о нуждах духовенства. Вскоре он стал получать и газету, но на запрос о гонораре ему даже не ответили.

Между тем подошла свадебная пора.

Прихожане с интересом ожидали: будет батюшка брать за свадьбы или нет? Еще находились скептики, которые уверяли, что теперь он все наверстает. Еще и Мосеич пророчествовал, хотя и не так шумно:

— Ен пока-а-жет!

Но большинство уже говорило:

— Нет, этот поп, видать, не из таких, он какой-то божий.

Первому пришлось идти Макарычу.

К новым порядкам батюшки отнесся Макарыч определенно:

— Подвох!

И мнения своего не изменил, только старался разгадать в чем тут штука, и никак не мог. Это его начинало уж и тревожить. Мужик богатый, он пришел к батюшке с дарами обильными. Во-первых, рыжую курицу гулять по кухне пустил, потом вынул горячий круглый и румяный хлеб из кумачного платка, — хлеб вручил батюшке, а платок матушке.

— Батюшке вкусно кушать, а матушке щеголять, сказал он, поглаживая широкую бороду.

И, подмигнув, вынул из-за пазухи бутылку водки.

— А всем жить в веселии!

Батюшка с улыбкой посмотрел на курицу, поблагодарил, погрел руки о жаркий калач и сказал:

— Дар приятный.

От водки-же решительно отказался.

— Сам не пью и другим не велю.

— Да ведь все берут.

— Кому надо... а мне не надо.

Макарыч посмотрел искоса.

— А сколько за свадьбу батюшка?

— А сколько в братскую кружку опустишь, то и ладно.

Макарыч насупился.

— Нет, уж ты, батюшка, по совести назначь, что полагается: не каждый день детей женить приходится, я не постою.

— Да я же сказал.

— Сколько?

— Сколько в кружку опустишь.

Макарыч взглянул уже зло и подозрительно.

— А, може, я и ничего не опущу! — сказал он грубо.

Батюшка расмеялся.

— И не надо. Только то даяние благо, что идет от сердца.

Лоб Макарыча покрылся потом.

— Та-а-к! — протянул он.

И замолчал.

Еще постоял, потоптался, повернулся, чтобы уходить, постоял так спиною к батюшке и опять повернулся.

— Так повенчаешь?

— Как сказал. В то воскресенье.

— И ничего не возьмешь?

— Я сказал...

Макарыч вздохнул, молча поклонился и молча вышел.

За воротами он развел руками и хлопнул ими по кафтану. Невероятное что-то творилось на свете, он ничего не мог понять. Так, в угрюмой задумчивости и домой пришел. Облаял ни за что бабу, накинулся на работника, что тот лошадь бьет.

— Зверье-е! — кричал он.

Всю неделю до свадьбы мысли о батюшке не давали ему покоя. Он спал, ворочался на печи, бормотал бессвязные слова: «ишь ты, праведник... и где у тебя коготок спрятан, не пойму никак...» Всю неделю он беспокоился: не подвох ли какой, повенчает ли поп так просто? Всю неделю он был злой, придирался к домашним, что живут не по людски, а то впадал в задумчивость, на все вопросы отмахивался: «а ну вас, делайте, как хотите, нынче не поймешь, как и на свете жить». Наконец, в субботу он не выдержал и пошел в поповский дом. Ввалился в кухню и грубо забасил.

— Поп дома?

Вышел сам батюшка.

— Я к тебе в гости! — заявил Макарыч.

— Милости прошу, — ласково сказал батюшка, распахивая дверь в комнаты, — матушка, к нам гости, принимай иди, а я пока самоварчик налажу.

Макарыч удивился.

— Сам самовар ставишь?

— Да у нас некому.

Матушка совсем у талии раздавшаяся вширь, вышла с милыми улыбками и повела гостя в столовую, приглашала сесть, занимала разговорами. Но гость прислушивался, как батюшка возится в кухне с самоваром, вместо ответов только неопределенно мычал и угрюмо озирался по сторонам: обстановка была беднее крестьянской, всюду сквозила неприкрытая беднота. Батюшка с какими-то веселыми словами внес самовар, матушка разливала чай и ласково приглашала гостя.

— Кушайте!

Но гость смотрел хмуро.

— Богатый человек, — взглянул он исподлобья на батюшку, — а угощаешь-то не чиво. У нас по крестьянски, коли гость пришел, все на стол мечут!

Батюшка смутился.

— Да у нас, — начал он...

И засмеялся.

— Запасов-то у нас, друг, нет... пока так живем, по скромному.

— Володя, как же быть? — сконфузилась матушка, — не сходить ли мне к лавочнику, может найдется что-нибудь? Еслибы знать заранее, можно бы курочку зажарить...

— Это мою-то? скосился гость.

— Да у нас только одна.

— И не жалко было бы?

— Да хоть и жалко, — рассмеялась попадья, — да, да для гостя... разве...

Она встала.

— Стой! — крикнул Макарыч.

И крепко положил на стол свою мохнатую лапу.

— Пошутил. Не то! Не за тем пришел. С другими мыслями. Я вот к нему... к попу пришел. Спросить надо.

— Почему за требы не берешь? Почему сбору не делаешь? Ответь. Почему? Где видано? Понять не могу! С голоду помереть хочешь? Али што? Я думал богатый... куды-ы!

Он даже взлохматился весь.

— Объясни... понять не могу!

Батюшка задумчиво смотрел ему в лицо.

— Ведь это так просто, Макарыч, — заговорил он, — даром я получил от Бога, даром и даю. Так и Христос апостолам сказал: туне приясте, туне дадите. Я не в осуждение другим говорю, но у меня такой взгляд. Я приехал сюда делать дело божие, по сердцу с вами жить, а не по насилию. Как отец к детям я приехал, чтобы наставить и научить истинной жизни. А что касается сборов, так Христос ясно сказал: не заботьтесь... что вам есть или пить. Ищите прежде царства Божия и правды его, а остальное приложится. В это я глубоко верю...

Батюшка продолжал развивать свои мысли.

Макарыч сверлил своим темным взглядом лицо батюшки и словно ловил его слова своим мохнатым ртом. Потом он задумался, опустив свою голову. Медленно перевел взгляд на матушку. И вдруг осклабился во все свое мохнатое лицо.

— Матушка!

Он встал.

— Позовешь что-ли на крестины-то?

Матушка так и вспыхнула вся от смущения. А батюшка вежливо сказал:

— Конечно, конечно. Все прихожане — мои гости!

— Так всем селом и придем! — заорал Макарыч, нелепо взмахнув руками, — все, так все... к отцу да не в гости! Чудак ты, батюшка... вот ты мне люб стал!

Он чему-то радовался и смеялся.

— Все придем! уж што Макарыч сказал, — будет! А который сукин сын... силком приведу! Вот!

Дети, так дети! Утешил ты меня... Понять я не мог!

— А теперь понял? — улыбался батюшка.

— Не понял, а поверил... вот!

И продолжая чему-то радоваться Макарыч потребовал, чтобы батюшка с матушкой завтра к нему на свадьбу пожаловали, что те и обещали. Выйдя за ворота, он все еще громко рассуждал и взмахивал руками. Направился прямо к лавочнику.

— Сколько тебе попы должны?

— А тебе што? — сказал лавочник, впрочем вежливо.

— Не твое дело, покажи счет.

— Тридцать девять рублей.

— Верю! Перепиши на меня...

В этот вечер и долго ночью в разных концах села слышался басовитый и возбужденный голос Макарыча. Не запомнили, когда бы он еще так ораторствовал.

— Попа-то своего, что же уморить хотим? Да такого наши деды не видали, и дети не увидят! Изра-иль!

В результате этого ночного шума на утро после обедни к батюшкиному дому началось паломничество. Толпами шли бабы, кто с чем: одна пудовку муки несла, другая масло, третья картошки мешок. Здоровались с матушкой, в гости звали. Мужики подъезжали с хлебом. Какой то толстый человек овцу привел. Когда батюшка на ее отчаянное блеяние вышел во двор, он увидел целое полчище кур, среди них стоял красный цветистый петух, хлопал крыльями и пел. А мужики разгружали у амбара хлеб и весело здоровались с батюшкой. Последним приехал Макарыч на возу с пшеницей. Он был в новом кафтане, готовый к свадебному торжеству, и держал в руке мешок, в котором копошилось, что-то живое.

— Дети, так дети, — весело и громогласно кричал он еще издали, — это все тебе на новоселье, отец!

Из мешка вытряхнул пару гусей.

Шумно хохотал, ни весть чему радуясь.

— А уж на крестины всем селом придем! Вот тебе Макарычево слово: золотой зубок вставим!..

С. Гусев-Оренбургский

The Significance of the Triple-Barred Cross

By

The Rev. Stephen Sedor

On the tip of every Russian and Carpatho-Russian church dome, pointing up towards our eternal home in heaven, stands the cross, the emblem of our salvation. But that cross upon our churches is an unique one—it has three bars, two horizontal and one slanted or oblique.

What is the significance of the triple-barred cross? Many people have asked that question. Certainly we, who make use of such a cross, should know what it stands for.

Reasons for representing the cross of Christ in this manner go back far into antiquity. We can't say for certain at what time artists first began depicting the cross with the three bars as we have them today. But known for hundreds of years; and, secondly if we known for hundreds of years; and, secondly have been

Талергофский памятник с трехраменным восьмиконечным крестом, сооруженный в память православных жертв австро-венгерского террора, умученных в годы Первой мировой войны

Talerhof Memorial with the tripple-barred cross erected in memory of the Orthodox victims of the Austro-Hungarian terror martyrized during World War I.

closely examine the crucifixion of Christ, we find that the triple-barred cross more exactly depicts that scene, and that features of the Russian cross must have been on Christ's cross.

Here is an outline of the meaning of the triple-barred cross, followed by an account of the separate beams.

I. The top bar is the inscription or title-board found on Jesus' cross.

II. The second bar is the beam upon which our Lord's arms were spread.

III. The third, slanted bar represents
   1) the foot-rest of Christ's cross,
   2) the cross of St. Andrew,
   3) and symbolically portrays the drama of Mt. Calvary, wherein one sinner rose to Paradise and another sank to eternal perdition.

I

The top, horizontal bar of the Russian cross is the title or inscription bar. Upon this uppermost board was written the reason for our Lord's death sentence, as well as His identification. It reads, "Jesus of Nazareth, King of the Jews," according to St. John the Apostle, who was an eyewitness of the crucifixion. These words were written in three languages: Hebrew, Greek, and Latin. Pontius Pilate ordered the sign made.

In the ordinary single-bar crucifix we see today, that top inscription board is represented by a small tablet, simply bearing the letters INRI. But the title-board on our Lord's cross was no small tablet. It was a board big enough to have the words "Jesus of Nazareth, King of the Jews" written upon it plainly in the three important languages of the day. Certainly it must have been fairly large, otherwise no one could have read it.

It is evident from this that the top bar of the triple barred cross belongs there, and that it more accurately portrays the inscription board atop Christ's cross than any other type of Christian cross in use today.

II

The second, horizontal bar is the long beam to which our Lord's hands were nailed. There is no problem here. Every Christian cross has this long bar, and in the triple-barred cross it has no unusual features to distinguish it from any other.

Thus we have the two top horizontal bars. It has been said that these two parallel bars denote Christ's ministry to both the Gentiles and the Jews. That is, that Christ died not only for God's chosen people, the Israelites, from whom Jesus Himself descended, but that Jesus is the Savior of all men, Jew and Gentile alike. This is simply a symbolic reference to the two beams.

III

The third bar is the one that causes the most difficulty and needs the most explanation. This arm is about the same length as the top bar, and one-half or less the length of the long middle beam upon which Christ's arms were spread. Its ends are cut so that they are vertical. It should be a considerable distance from the middle bar, and should be located where the feet of our Lord were nailed. Upon many Russian crosses both the first and third bars are made too long, or aee otherwise out of position.

Now for the explanation of this third, slanted bar.

1. *It represents the foot-rest of the original cross.*

The Orthodox Church believes that Christ was crucified with His feet side by side, and not placed one on top of the other, as we see on many crucifixes. This position of our Lord's feet would indicate that some support was necesary under His feet to support the body firmly on the cross. Such a support was the foot-rest. Just what shape or size this board was we cannot say. Practically every picture of the crucifixion has some type of foot-board.

But on our cross this foot-rest extends beyond the vertical beam and is slanted. Some have ascribed this wrenched position to the intense agony Jesus suffered on the cross, an agony so violent that His body wrenched the nailed board out of position by forcing one foot down, and bringing the other, the right foot, up. The writhing of Christ in pain, then, slanted the foot-rest.

Another explanation is that the foot-board was distorted at the moment of Christ's death, when "the earth quaked and the rocks were rent, and the graves were opened," as St. Matthew tells us. This explanation says the earthquake caused the first and rent the nails out of place.

The reason for the foot-board extending so wide on each side still remains. One Church writer says that this might simply be due to a gradual enlarging of the board. The Russian icon painters became fond of this extending feature, and repeated it with remarkable persistence, especially after symbolic interpertations of the bar became popular. Some of these symbolic meanings are dealt with later.

2. *The third bar also presents the cross of St. Andrew, who died upon an X-shaped cross.*

Tradition tells us that it was St. Andrew, the first-called of the apostles of Christ, who first brought the light of Christianity to the land of the Slavs. Ancient writers testify that St. Andrew preached the Word of God along the Black Sea and in Scythia—now Russia.

Journeying along the Dnieper river, St. Andrew came to the beautiful hills at the site where the mother of all Russian cities now stands, Kiev. Here, on a summit, after kneeling in prayer, he exclaimed to his companion: "Behold these mountains, for it is here that the grace of God shall shine forth! A great city shall rise on this spot, and in it the Lord shall have many churches to His Name." Then he blessed the mount, and thrust a cross into the earth.

The first church in the name of the Apostle Andrew was built in Kiev in the year 1086. And even today there stands a beautiful church in his honor on the spot where he planted the cross, the seed of Christianity on Slav land. Kiev certainly became a city of churches—some 500 of them, with gold domes and triple-barred crosses gleaming in the sun.

St. Andrew was a great missionary of the Gospel

of our Lord. Amid persecutions, sufferings, and self-denial, he worked to spread the Church in Palestine, then went out to preach in such places as Galatia, Greece, Asia Minor, Thrace, and Scythia.

Like the other apostles, Andrew became a martyr. It is said that he was imprisoned and later crucified at Patrae, now called Patras, a seaport of ancient Achaia or Greece.

The story of St. Andrew's last days testify to his love of Christ and labor for His Church. When the pagan proconsul of the country came to Patras, he found that great numbers had accepted Christianity through the labors of St. Andrew. The proconsul became angry, especially after his own wife and brother embraced the Christian faith. Andrew was summoned to appear before the officer, and even here preached the redeeming love of Christ which sent Him to the very cross and death for the salvation of all men.

But the proconsul remained defiant. He threatened to have Andrew suffer upon such a cross which he so highly extolled. Finally, the death sentence was passed upon Andrew, and the proconsul decreed that he should be crucified. It is said that the apostle was not nailed to the cross, but bound with cord, that his sufferings might last longer!

As St. Andrew approached that cross upon which he was to die, he exclaimed: "Hail, O precious Cross, that hast been consecrated by the Body of my Lord, and adorned with His limbs as with rich jewels . . . Receive me with joy into thine arms, take me from among men, and present me to my Master, that He who redeemed me on thee, may receive me by thee."

He was fastened to the cross, and there he hung for several days, teaching his faithful children in Christ, and then he died. His cross was formed by crossing two beams of wood in the form of the letter X—and that form of cross is now known by his name.

Thus the third, slanted arm of the three-barred cross also represents St. Andrew's cross, and is put there to commemorate the martyrdom of the apostle who first uttered the name of our precious Savior before Slav peoples.

3. *Symbolical and legendary explanations of the third bar.*

A. A symbolical explanation is offered by Father John of Cronstadt, who points to a troparion sung during a lenten service, the Ninth Hour. This verse of the Church reads:

> "In the middle, between two thieves, was Thy Cross—the balance-beam of righteousness. For while one (thief) was led down to hell by the burden of his blasphemy, the other was relieved of his sins and came to the knowledge of Divinity."

This troparion tells us that the scene atop Mt. Golgotha can be represented or depicted as a large scale, a measuring scale, the kind used in stores some time ago for weighing purposes. In the center is the cross of Christ—the balance-beam for the two sinners, one on the left and the other on the right. One thief was pulled down to eternal punishment by the weight of his blasphemous words against Christ, while the other thief, repenting of his sins and professing a maith and hope in Christ, ascended into Paradise.

The slanted position of this bar, therefore, is to bring to the mind of Christians that the unfaithful thief, by the just judgment of God, went into the depths of hell (the lower end of the angled bar), while the wise thief soared into heaven (the upper end of this bar).

This third arm is a warning sign for all Christians. It tells us that the cross of Christ is for the rise and fall of many. By virtue of Christ's death upon that cross, it serves as a measuring scale for every man. If we are found worthy at the last judgement, the beam of Christ's cross, so to speak, carries us up, up to the very presence of our Blessed Lord. But if we are found wanting, the scale shall shift downward, and send us to eternal torment.

B. Another symbolical meaning, according to some, is found in ancient manuscripts of the Russian Church where the question is asked, "Why is the foot-board of the cross of Christ pointed with the right side up and the left down, and the head of Christ also inclined to the right?" The answer given in these writings is that "Christ makes His right foot light and lifts it above the foot-rest in order to lighten the sins of those who believe in Him, so that at His second coming, they would soar up to meet Him. And His left foot is lowered in order those who do not believe in Him would be weighed down and descend into hell.

"His head is inclined to the right, that He might incline all the heaten to believe and worship Him." We might add here, too, that the thief whom Jesus saved was on His right. This explanation, full of symbolism, is similar to the previous one.

C. Now for a legend as to the origin of the third, slanted bar. This tells of one of the Roman soldiers who took part in the crucifixion. After piercing the side of our Lord's body with his lance, this soldier felt a keen remorse in his heart for having taken part in the death of Jesus. He later threw off his uniform and joined Joseph and Nicodemus in their task of removing Christ's body from the cross.

This soldier is supposed to have obtained a ladder to help in the work, but it was too short. Then Nicodemus took a board, nailed it to the cross, just under Christ's feet, and thereby was able to obtain a firm hold on the body, aided by the soldier on his ladder. But when the full weight of Jesus body rested upon Nicodemus, the board he was standing on twisted, one end upward and the other downward, resulting in a slanted bar as we have it.

* * * * *

To recapitulate, then, the best way to explain the third bar is that it is a combination of three things: it signifies the foot-rest, but is slanted to form the cross of St. Andrew, and to picture for our minds what happened on Mt. Golgotha when Jesus died.

Printed in U. S. A. RAUSEN BROS. 417 Lafayette Street New York 3, N. Y. 317